

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-445-454

EDN: RLVNHT

Научная статья / Research article

Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории

М.М. Мchedлова , О.А. Букин

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 mchedlova-mm@rudn.ru

Аннотация. Дискуссии о применимости цивилизационного подхода в политической науке коррелируют с методологическим и дискурсивным переосмыслением линейных философских и политических интерпретативных проектов. Поиск новых эпистемологических и онтологических оптик исследования политических конструкций современности во многом сфокусирован на ценностно-символических параметрах, лежащих в основе цивилизационного подхода. Цивилизационная парадигма является одной из концептуальных схем политической теории, позволяющей интерпретировать политические институты, процессы и мировую политику сквозь призму более устойчивых и глубинных факторов — ценностных систем и культуры. Становясь опознавательной основой политики и легитимирующим идейно-смысловым наполнением инструментальных стратегий, цивилизационный подход апеллирует к множественности и равноположенности путей исторического и политического становления. В политическом дискурсе соответствующими интенциями становятся сюжеты обеспечения полноты суверенитета, исторической памяти и фальсификации истории, единого ценностно-смыслового пространства, национального единства и многие другие. Точкой концентрации научного и идейно-политического поиска становится определение цивилизационного статуса России. По мнению авторов, наделение России цивилизационным статусом позволяет предлагать адекватные варианты объяснения ее социально-политической онтологии и феноменологии, устойчивых и преходящих параметров, инвариантных и инновационных характеристик. Акцент делается на метафизике российской государственности как определяемой цивилизационной спецификой.

Ключевые слова: цивилизационная теория, ценности, политика, универсальность, специфичность, государство, империя

Для цитирования: Мchedлова М.М., Букин О.А. Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 445–454. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-445-454>

© Мchedлова М.М., Букин О.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Russian Civilization: Civilizational Approach in Political Theory

Maria M. Mchedlova , Oleg A. Bukin

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 mchedlova-mm@rudn.ru

Abstract. Discussions about the applicability of the civilizational approach in political science correlate with methodological and discursive rethinking of linear philosophical and political interpretive projects. The search for new epistemological and ontological optics of modern political constructions is largely focused on the value-symbolic parameters underlying the civilizational approach. The civilizational paradigm is one of the conceptual schemes of political theory, which makes it possible to interpret political institutions, processes, and world politics through the lens of more stable and deeper factors — value systems and culture. Becoming the identifying basis of politics and the legitimizing ideological and semantic content of instrumental strategies, the civilizational approach appeals to the multiplicity and equality of the paths of historical and political formation. In political discourse, the relevant intentions are the plots of ensuring the completeness of sovereignty, historical memory and falsification of history, a common value-semantic space, national unity, and many others. The point of concentration of scientific and ideological-political search is the definition of the civilizational status of Russia. According to the authors, giving Russia a civilizational status allows us to offer adequate explanations of its socio-political ontology and phenomenology, stable and transient parameters, invariant and innovative characteristics. The emphasis is on the metaphysics of Russian statehood as determined by the specifics of civilization.

Keywords: civilizational theory, values, politics, universality, specificity, state, empire

For citation: Mchedlova, M.M., & Bukin, O.A. (2023). Russian civilization: Civilizational approach in political theory. *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), 445–454. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-445-454>

Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории

На смену неолиберальной линейной нормативной логике глобализации и Третьей волны демократизации пришла потребность обозначения теоретических координат политической картины мира. Мощным стимулом и одновременно легитимирующим основанием поисков нового аналитического каркаса современности стала по-новому прочитываемая роль социокультурных цивилизационных особенностей как политических. Инверсия политической и ценностных сфер, создание концептуально-методологической модели изучения цивилизационных и ценностно-символических оснований политической архитектуры нового мира и нового политического нарратива, перетекла в реальную политику, поставив во главу угла статус

современной России как субъекта исторического творчества и мировой политики на основе онтологичности ценностно-символических параметров.

Цивилизационная парадигма является одной из концептуальных схем политической теории, позволяющей интерпретировать политические институты, процессы и мировую политику сквозь призму более устойчивых и глубинных факторов — ценностных систем и культуры¹. Исчерпание монополии нормативных теорий, предлагающих в качестве ориентиров и необходимых условий политического развития западные политические образцы, ценности и институты, зримо сопровождается утверждениями о равнозначности различных путей политического развития, чья специфика задается глубинными цивилизационно-ценностными параметрами. Во многом именно цивилизационный подход изменил концептуальную логику осмысления и интерпретации политики от нормативных линейных подходов к признанию альтернативности и равнозначности путей развития². Если в идеологии западной политики наиболее употребляемым является нормативное понимание цивилизации как единственного «образца», то в академическом дискурсе, теоретических моделях, предлагаемых современных политических и идеологических подходах, включая западные интерпретации современности, наиболее востребованными являются оттенки и грани цивилизационного подхода, настаивающего на многообразии путей исторического творчества и политического развития [Современная... 2019: 12–38]. В данном ракурсе актуализируется проблема устойчивости как критерия поддержания глубинной специфики ценностно-смыслового резервуара: это определяет коннотации цивилизационной идентичности как устойчивого *modus vivendi*, «порождающей грамматики» (по Ф. Броделю) в индивидуальной и коллективной проекциях.

Дискуссии о применимости цивилизационного подхода в политической науке не являются новыми, однако их эпистемологическая и мировоззренческая востребованность становится наиболее выраженной в периоды Больших разломов — познавательных, культурных, политических, когда на первый план выступает соотношение *универсального и специфического, одного и множества*. Неслучайно можно наблюдать взрывной рост

¹ Более подробно об этом см. [Современная... 2019: 12–38].

² По мнению И. Валлерстайна, «мы должны признать специфический характер произведенного Европой переустройства мира» [Валлерстайн 2004: 247]. Подобное понимание послужило методологическим фундаментом признания культурного многообразия как основ политических стратегий и разнообразия как онтологического основания политической реальности. Развитие данного направления получило в работах Ш. Эйзенштадта, пытающегося обосновать многообразие путей становления современной цивилизации. Эвристический потенциал концепции множественности модернизмов Ш. Эйзенштадта [Эйзенштадт 2003] во многом представляется определенным синтезом линейных интенций и плюралистической несводимости современности к единому основанию. Особое звучание приобретает ценностно-культурная проекция понимания смысла политических преобразований в обществах, относящихся к различным цивилизационным традициям, а также механизмов и технологий мировой политики.

интереса к проблематике политической теологии как легитимирующей политические универсалии современности [Kidwell 2019: 1–14]. Политизация цивилизационной парадигмы отражается и в логике содержательной эволюции данного подхода: видоизменение познавательных нюансов цивилизационной теории и самой идеи цивилизации опосредуются трансформациями параметров социально-политического процесса. Взаимное наложение данных контекстов стало отправной точкой для того, чтобы новые политические смыслы цивилизационной теории определили смену познавательных акцентов: от линейной универсальности и нормативности к плюралистической актуализации самобытности, идентичности, традиции. Смещение понятийного инструментария и связанных с ним референтов в пространство и проблематику национальной безопасности указывает на политическую и социальную предельность, описываемую данными понятиями.

В политическом дискурсе соответствующими интенциями становятся сюжеты обеспечения полноты суверенитета, исторической памяти и фальсификации истории, единого ценностно-смыслового пространства, национального единства и многие другие. Это становится полем специфической идейной и политической конкуренции, воспроизводящей ключевые параметры традиционной аргументации «западников» и «славянофилов» уже в глобальном масштабе. Точкой концентрации дискуссии является определение статуса России как субъекта исторического творчества, как цивилизации.

Исходя из определения и переопределения цивилизационного статуса России — от отождествления с европейской моделью до полного отказа в цивилизационном статусе³, можно констатировать конкуренцию и альтернативы теоретических подходов и, соответственно, ценностно-политических коннотаций национального проекта.

С нашей точки зрения, цивилизационные параметры исследования России позволяют охватить широкое полотно фактов и объяснительных схем, способных предложить многосторонний учет всех факторов специфики российского пути развития, поскольку цивилизационный анализ предполагает вычленение — при всех идеологических и социальных различиях — именно глубинных факторов, архетипических черт, долговременных признаков (культурных, религиозных, духовных, этнических характеристик, исторические традиций, особенностей ментальности и т.д.). Наделение России цивилизационным статусом позволяет предлагать адекватные варианты объяснения ее социально-политической онтологии и феноменологии, устойчивых и преходящих параметров, инвариантных и инновационных характеристик, а современные трактовки логики и направленности исторического развития позволяют преодолевать дихотомию

³ Подробнее о различных подходах к определению российской цивилизации см [Мчедлова 2011]

«традиционное / современное». В ценностно-политической проекции это проявляется в статусе и роли государства⁴ как смыслозадающего института, обладающего функцией исторического целеполагания. Государство выступает не как чисто функциональный институт, но еще как инстанция, задающая «соборное» понимание смыслового наполнения «национального проекта»: государство должно указывать на определенную систему смыслов и целей, что закреплено в национальном сознании, имеющем глубокие исторические корни. Можно предположить, что *метафизика российской государственности предполагает наличие авторитарного и соборного идеалов*: авторитарный идеал основан на абсолютизации верховной власти; соборный идеал служит одним из оснований формирования власти и управления: представителями власти могут выступать различные коллективы и группы, воспринимаемые обществом как выразители народной воли. Так как тип государственности не является априорно заданным фактором, в России установилась та форма государственности, которая наиболее адекватно отвечала конституирующим принципам социального существования: *имперский тип институционализации*. Данный способ политической организации в жестко конкурентной геополитической среде, принуждавшей постоянно отстаивать силой право на независимость, представлял собой единственный шанс «самоподдержания национального тела» и заключался в централизации и консолидации власти, которые обеспечивались в том числе спецификой взаимоотношений между государством и церковью. Подобного мнения придерживался И.А. Ильин: «Если принять во внимание данные русской истории — пространство, равнинность, большую отдаленность населенных пунктов один от другого, национальную и культурную дифференциацию, постоянную вынужденность вести войны, татарское иго... то сразу же бросается в глаза, что у русских были достаточно веские основания... прибегнуть к централистски-объединительной авторитарной форме...» [Ильин 1996: 576].

Насколько тип государственности является цивилизационно опосредованным для России, можно ли провести параллели с европейскими империями? Что доказывает хромомерность ключевых исторических и политических событий: простое совпадение, общую логику политического становления или акцептацию различий? Встраивается ли Россия в ход европейской истории, либо ее цивилизационная уникальность определяет специфику политической логики институционализации государственности, позволившей верховной власти

⁴ Патерналистские традиции общинности, огромные, в значительной мере малонаселенные пространства, наличие десятков этносов с самобытной культурой, отсутствие стабильных экономических рыночных связей и правовых отношений, недостаточное развитие дорог, транспортных средств, распространение среди местных элит сепаратистских настроений, навыков и психологии удельных правителей («моя вотчина»), при которых стерты границы между властными и имущественными полномочиями: причины потребности в сильном централизованном государстве.

в XXI в. говорить о России как «государстве-цивилизации»⁵ в параметрах мирового порядка.

Для выявления общего и особенного в цивилизационном развитии мы стараемся провести сравнительный анализ историко-политического и ценностного развития двух социокультурных образований, породивших имперскую форму государственного строительства — России и Великобритании⁶. Россия и Великобритания — два совершенно различных государства, которые, однако же, смогли подчинить или вобрать в себя огромные территории, создав две самые большие империи своего времени. И начнем мы их сравнение с простого — с их географических характеристик.

Определенную важность природно-географических характеристик для стран и народов, в них проживающих, обозначил еще Шарль Луи Монтескье в своей работе «О духе законов», вышедшей в 1733 г. [Монтескье 1999: 198–201]. Можно соглашаться или нет с Ш.Л. Монтескье по вопросу о степени значимости влияния климатических факторов на жизнь и развитие разных человеческих сообществ, но нам представляется, что его полное игнорирование было бы неосмотрительным.

Главная особенность географического положения Великобритании, значительно повлиявшая на всю ее историю, — ее островное, изолированное положение, дающее приоритет безопасности. В совсем иных условиях формировалось Российское государство. Благодаря тому, что территория эта не имеет каких-либо значимых природных барьеров, русское государство с самого своего начала столкнулось с внешней агрессией, которая шла с востока, юга и запада. Таким образом, можно констатировать, что и Россия, и Великобритания занимали и занимают пограничные территории Европы, но территории эти совершенно разные. Однако климатическое или географическое сравнение, несмотря на ее значимость, не исчерпывает политические сравнения двух стран.

В 1066 г. произошло событие, изменившее ход истории: Нормандское завоевание Вильгельмом I Завоевателем (1066–1087 гг.) оказало огромное влияние на общественную, культурную и политическую жизнь всей страны: была принесена континентальная политико-правовая и экономическая система, страна стала более централизованной, английский язык сильно изменился под влиянием языка французского, что означало смену культурной матрицы, а сама Британия была вовлечена в континентальную систему международных отношений того времени. Необходимо отметить, что это завоевание заложило основы для длительных англо-французских противоречий, которые в дальнейшем вылились в ряд военных конфликтов, наиболее серьезным из которых стала Столетняя война [Дюпюи 2004: 22]. Политическим достижением стало принятие в XII в.

⁵ См. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации (сайт). URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 11.05.2023).

⁶ Идея данного сравнения принадлежит одному из авторов статьи, ассистенту кафедры сравнительной политологии РУДН им. П. Лумумбы О.А. Букину.

Великой хартии вольностей (*Magna Carta*), оказавшей большое влияние на специфику британской и, шире, европейской политической системы и культуры, часть ее положений действует до сих пор в рамках неcodифицированной британской конституции. Отметим, что именно Нормандское завоевание смогло создать единое политическое целое, ставшее впоследствии национальной английской монархией.

Норманнская теория происхождения русского государства и политической власти является точкой пересечения академических и идейных дискуссий, концентрирующихся вокруг определения сущности российской цивилизации. Некоторые исследователи (начиная с М.В. Ломоносова) даже придерживаются крайнего мнения, что Рюриковичи не были германцами. Однако консенсусные и неконсенсусные факты предполагают и другие версии. Масштаб и значимость Монгольского нашествия на Русь по своему историческому значению для страны можно сравнить с нормандским завоеванием Британии. Следствием монгольского завоевания стало отмежевание политического и экономического развития Руси от стран Западной Европы. Это обусловило специфику политического развития самостоятельной российской государственности, четко проявившуюся во время правления Ивана III (1462–1505 гг.). Именно в его правление был построен современный Московский Кремль — символ концентрации политической власти. Тогда же был принят государственный герб, привнесенный из Византии и легитимировавший российскую государственность. В тот же период были заложены основы теории цивилизационной политической преемственности Московского княжества от самого Рима, которая в дальнейшем стала известна под названием «Москва — третий Рим».

Таким образом, несмотря на разницу между Нормандским и Монгольским нашествиями на Британию и Русь, главное их последствие было одинаково: укрепление и обеспечение единства государства, но в одном случае — благодаря завоеванию, а в другом — вопреки ему.

Можно провести параллель между событиями правления Генриха VIII Тюдор (1509–1547 гг.) и Ивана Грозного (1547–1584 гг.), во время которых имперскость как принцип государственности стала отчетливо проявляться. Противоречия между Генрихом VIII и Ватиканом привели к разрыву отношений между Англией и Католической церковью, в результате которого был принят «Акт о супрематии» 1534 г., в котором английский король признавался единственным земным главой Английской церкви, подчиняющимся только Богу. В этом же документе упоминается и словосочетание «*imperial crown*» (императорская корона), что можно трактовать как приравнение статуса английского короля к титулу императора. В дальнейшем независимая Англиканская церковь стала одним из оснований суверенитета страны.

Царский титул Ивана IV Грозного не только приравнивал московского государя к императору, но и легитимировал право на власть и сам характер власти историческим и династическим правопреемством от римской империи. При Иване IV, несмотря на его набожность, четко проявились две тенденции: подчинения церкви государству и создание автокефальной церкви.

Еще одна историческая параллель — события Русской смуты и Английской революции XVII в., ставшие трагическими и в то же время судьбоносными с точки зрения политического развития и цивилизационного позиционирования обеих стран. Но если Англии они принесли дальнейшее экономическое и политическое развитие и ограничение власти короля, то России — значительную экономическую отсталость и консолидацию и централизацию власти.

Если сравнивать правителей России и Англии Петра I и Вильгельма III, то, несмотря на их определяющую роль в становлении мощи и величия своих стран, проявляется и их серьезное различие. Так, политику Вильгельма III можно рассматривать как направленную на определенную демократизацию: во время его правления были приняты такие важные для развития либеральной западной парадигмы политического развития документы, как «Билль о правах» (1689 г.) и «Акт о веротерпимости» (1689 г.). Петр I проводил политику модернизации страны чрезвычайными мобилизационными методами, сделав власть царя безграничной, включая подчинение церкви государству, но при этом он менял логику царской власти — от отношения к стране как собственной вотчине к служению государству как общему благу. Последнее стало ценностью цивилизационного порядка в России.

В XIX в. обе империи становятся самыми большими государствами мира, занимая по этому показателю первое и второе места. Несмотря на такие значительные территориальные приобретения, в обоих случаях достижение этого политического качества было продиктовано различными целями: у Великобритании — экономической выгодой, у России — жизненной необходимостью. Соответственно и отношения «метрополия — колонии» были диаметрально противоположными, включая алгоритмы межкультурного взаимодействия: монологично однонаправленными от колоний в центр в Великобритании и диффузными в России, что позволило определить ее как «империю наоборот». Поток различных ресурсов шел из центра на присоединяемые территории при инкорпорации новых этнических, религиозных и политических систем в единое культурно-политическое пространство.

Итогом нашего краткого и достаточно мозаичного исторического экскурса является вывод, что Россия и Великобритания, несмотря на схожесть определенных сюжетов политического развития и их хрономерность, противоположны по политическим сущности и методам, и по ценностно-политическим императивам и даже по конкретным стратегиям имперского оформления. Однако ответ на поставленный нами исследовательский вопрос о цивилизационных различиях как основании политической диверсификации при схожих историко-политических вехах будет зависеть от системы эпистемологических координат: ведь «географически и биологически не так трудно провести западную границу России... вряд ли так же легко и просто разделить Россию и Европу в духовно-исторической динамике» [Флоровский 1998: 334–335]. Эта трудность в различении ставит перед соблазном либо обвинить Россию в отсталости от разгадки, либо перечеркивать ее самостоятельность, проявляющуюся в том числе в смыслополагающем статусе государства и альтернативных механизмах

межкультурного взаимодействия в рамках имперских координат. Не случайно Н.Я. Данилевский отмечал, что самобытность исторического опыта России дает повод сомневаться в целесообразности принятия западноевропейских стандартов политико-экономического и культурного развития [Данилевский 2021: 57]. Можно согласиться с мнением О. Шкаратана, что «признание параллельного развития стран разной цивилизационной принадлежности не означает отрицания универсальности технологий жизни в самом широком смысле этого понятия. Ценностные же системы, задающие саморазвитие социальным организмам, свойством универсальности не обладают» [Шкаратан 2002: 46].

Заключение

Концептуализация поставленных вопросов, актуализация социокультурной онтологии фиксирует не только отход от линейной логики политических теорий и прагматики, но и генерацию новых объяснительных моделей современности, несводимых к нормативной институциональной детерминированности и квантифицируемым оценкам соответствия/несоответствия устройению, принимаемому за образец. Соотношение универсальности и специфичности как формулирующее оптику исследования политики ценностно-символических оснований, имплицитующих изменения теоретических подходов, идейных дискурсов, политических практик и институциональных структур, проецируется в концептуализации российской цивилизации. Выбор геополитической и цивилизационной ориентации во многом определяет не только вектор внешней политики нашей страны, но и общее направление ее внутренних социально-политических процессов, а также само ее существование.

Поступила в редакцию / Received: 29.02.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 13.04.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.04.2023

Библиографический список

- Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2004.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Родина, 2021.
- Дююю Р.Э., Дююю Т.Н. Все войны мировой истории по Харперской энциклопедии военной истории. Книга 2. 1000–1500 гг. СПб.: АСТ, 2004
- Ильин И.А. О русской культуре // Собрание сочинений: в 10 т. Том 6. Книга 2. М.: Русская книга, 1996.
- Монтескье Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999
- Мчедлова М.М. Российская цивилизация: координаты интерпретации в новых реалиях // Слово.ру: Балтийский акцент. 2011. № 3–4. С. 27–39
- Современная политическая наука: методология: научное издание / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. М.: Аспект Пресс, 2019.
- Флоровский Г.В. Евразийский соблазн // Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. М.: 1998.

- Шкаратан О.И. Информационная экономика и пути развития России // Мир России. Социология. Этнология. 2002. № 3. С. 44–61.
- Eisenstadt S.N. *Comparative civilizations and multiple modernities: [a coll. of essays]*. Leiden; Boston: Brill, 2003
- Kidwell J.H. *Re-Enchanting Political Theology // Religions*. 2019. Vol. 10. (10): 550. <https://doi.org/10.3390/rel10100550>

References

- Danilevsky. N.Y. (2021). *Russia and Europe*. Moscow: Rodina. (In Russian).
- Dupuis, R.E., & Dupuis, T.N. (2004). *All the wars of world history by Harper's Encyclopedia of military history. Book 2. 1000–1500*. St Petersburg: AST. (In Russian)
- Eisenstadt, S.N. (2003). *Comparative civilizations and multiple modernities: [a coll. of essays]* Leiden; Boston: Brill.
- Florovsky, G.V. (1998). Eurasian temptation. In Florovsky G.V., *From the past of Russian thought*. Moscow. (In Russian)
- Ilyin, I.A. (1996). On Russian culture. In Ilyin I.A., *Collected Works in 10 Volumes Volume 6. Book 2*. Moscow; Russian book. (In Russian)
- Kidwell, J.H. (2019). Re-Enchanting Political Theology. *Religions*, 10(10), 550. <https://doi.org/10.3390/rel10100550>
- Mchedlova, M.M. (2011). Russian civilization: The coordinates of interpretation in new realities. *Slovo.ru: Baltic Accent*, (3–4), 27–39. (In Russian)
- Gaman-Golutvina, O.V., & A.I. Nikitin (Eds.). (2019). *Modern Political Science: Methodology*. Moscow, Aspect Press. (In Russian)
- Montesquieu, S.L. (1999). On the spirit of laws. Moscow: Musl' (In Russian).
- Shkaratan, O.I. (2002). Information economy and the ways of development of Russia. *Universe of Russia. Mir Rossii*, (3), 44–61. (In Russian)
- Wallerstein, I. (1999). *The end of the world as we know it: Social science for the twenty-first century*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Сведения об авторах:

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, главный научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе», Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: mchedlova-mm@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-4635-1741)

Букин Олег Алексеевич — аспирант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: bukin-oa@rudn.ru) (ORCID: 0000-0001-5329-2340)

About the authors:

Maria M. Mchedlova — Doctor of Political Sciences, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Chief Researcher of the Center 'Religion in Contemporary Society', Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (e-mail: mchedlova-mm@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-4635-1741)

Oleg A. Bukin — Postgraduate in the Department of Comparative Politics, RUDN University (e-mail: bukin-oa@rudn.ru) (ORCID: 0000-0001-5329-2340)